

Генри Лайон Олди

Петер и Смерть

*Часть сборника
Песни Петера Сьядека
(сборник)*

Генри Лайон Олди
Петер и Смерть
Серия «Хёнингский цикл»
Серия «Песни Петера
Сьядека», книга 12

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165761
Песни Петера Сьядека: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20800-5

Аннотация

«Все началось с того, что флейтист свернул на обочину.

Они познакомились у подножия горы Копун, на полпути между Гаммельном и Ганновером: Петер Сьядек и бродячий флейтист, одетый в пестрое. Раннее утро, зябкое и брюзгливое, намекало на дождь с градом, но так и не собралось всласть окатить путников из ушата...»

Генри Лайон Олди

Петер и Смерть

«Инструмент со слабым звуком, бедный тембрами, лютня требовала от музыканта особой тщательности. Настройка была так многообразна, что можно сказать: настроек было столько, сколько исполнителей. Еще говорили: «Половину своей жизни лютнист настраивает инструмент... А другую половину жизни – играет на расстроенном инструменте!»

Фелипе Педрель из Тортосы

«Здесь опера кончилась. Маэстро умер.»
Дирижер Артуро Тосканини, на премьере «Турандот», оперы Д. Пуччини, которую композитор не успел закончить по причине смерти (завершена Ф. Альфано). После этих слов Тосканини покинул дирижерский пульт.

Эй, в дорогу, сивый мерин!

За порог!

Ты сосчитан и измерен, —

Вне дорог

Кто тебе, дружок, поверит?

Только Бог.

Долог путь до Типперери,

Люди, птицы, песни, звери —

Все в свой срок.

Ниру Бобовай

Все началось с того, что флейтист свернул на обочину.

Они познакомились у подножия горы Копун, на полпути между Гаммельном и Ганновером: Петер Сълядек и бродячий флейтист, одетый в пестрое. Раннее утро, зябкое и брюзгливое, намекало на дождь с градом, но так и не собралось всласть окатить путников из ушата. На привале у Сълядека нашлась краюха хлеба, две ядреных луковицы и сыр; у флейтиста – грудинка, фляга с мозельвейном и горсть заплесневелого, морщинистого от старости изюма. У пестрого в заплечном мешке даже нашлась сковорода: поджарить грудинку. Ну да, флейта не лютня, плечо не оттянет... Сытный обед располагал к беседе о вещах насущных и, можно сказать, жизненно необходимых. Начавшись с сонат «Рыжего Святоши» для мюзетты и клавесина, когда флейтист искусно воспроизвел близкий к волынке тембр мюзетты, а бравый лютнист не подкачал, притворившись клавесином, разговор свернул на каноны из «Музыкального Приношения»: заказ Фридриха Пруссака «Лейпцигскому Кантору», отцу двадцати детей, не считая тьмы хоралов, прелюдий и сюит. Шестиголосный ричеркар продолжили на ходу, ибо близился вечер, а ночевать под открытым небом – радость не из великих.

Воспользовавшись преимуществом – лютнист мог говорить, играя, – Петер в одностороннем порядке обсудил с попутчиком местные суеверия. Мнительные селянки в последнее время стали дурно коситься на бродяг с репутацией людей искусства; в дом пускать отказывались, прятали детей, а

вслед непременно делали знак от сглаза. Наверное, близок конец света. Флейтист кивком осудил поведение вульгарных селянок, не прекращая дудеть. Еще раз кивнул, когда Петер начал вспоминать красоты Венеции, чудесно отозвавшись о тамошних консерваториях.

И свернул на обочину, черт бы его побрал, дудочника.

Словно волчий нюх вел флейтиста по следу. Дорога впереди встречалась со своей утоптанной товаркой, сколачиваясь крестом, предлагая взвалить на плечи тяжесть выбора, – но пестрый дьявол сменил торную тропу на окольную, еще не дойдя до развилки. И быстро-быстро зашагал через луговину, в сторону темневшего леса, по-лошадиному перебирая длиннющими ногами.

– Эй! Ты куда!

Бросив играть, Петер остановился в недоумении. Обидно вот так, без видимой причины, терять славного собеседника. Почесав в затылке, лютнист зачехлил «Капризную Госпожу», еще раз поскреб многострадальный затылок – и кинулся за случайным товарищем.

– погоди! Куда ты?

– Распутье! – на миг оторвавшись от флейты, бросил пестрый, как будто это объясняло его дурацкий каприз. И сразу повел мелодию дальше, торопясь пересечь луг. Спеша за ним, Сълядек ощущал в душе небывалый, чудной подъем, как если бы спешил за судьбой, наконец-то явившейся своему рабу во плоти. Дважды падал, ценой синяков сбере-

гая лютню, задышался, желая непременно догнать флейтиста, пойти рядом, присоединиться к зовущей теме... Увы, ходок из бродяги был славный, а бегун – не ахти. Зависть резала сердце при одной мысли о луженой глотке попутчика: дудит, дудит, а на коне не догонишь! Лес сиреневой стеной мелькнул сбоку, когда они взяли еще левее, огибая дубовую рощицу на опушке. И вскоре оба человека остановились у витой решетки, огораживающей чье-то поместье.

Один – задыхаясь и кашляя, другой – молча разбирая флейту и укладывая инструмент в футляр.

Решетка была из тусклого металла, ужасно красивая: диковинные вензеля плющом оплетали высокие копыя-стойки с острыми наконечниками. «Чтоб мальчишки не лазили», – подумал лютнист. И тут же устыдился собственной глупости. Рядом находились ворота: открытые настежь, они слегка поскрипывали на ветру.

И ни одного сторожа.

«Наверное, собаки сторожат. Зайдешь, а тебя цап за ляжку: зачем явился, братец?..»

– А ты зачем? Мне надо, мне время пришло, а ты? – видимо, подслушав мысли Петера, спросил флейтист. Он махнул в воротах, кусая губы. Заходить не спешил, но было ясно: обратно тоже не повернет. Так больной, доведенный до отчаяния зубной болью, топчется на пороге цирюльни: да, больно, да, страшно, но никуда не денешься от клещей, ради будущего облегчения.

– Я? Я с тобой...

– А-а-а... Ну, раз приспичило...

Собаки медлили рвать в ключья незваных гостей. Флейтист шел уверенно, мимо подстриженных кустов, мимо украшенных фонариками и гирляндами деревьев, с каждым шагом приближаясь к роскошной вилле. Мраморная женщина с кувшином скучала на постаменте, чей цоколь украшала надпись по-гречески: «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» Обогнув искусственное озерцо, миновали два фонтана, где пара близнецов-Самсонов успешно раздирала пасти братьям-львам. Наконец приблизились к цели: дом, чтоб не сказать, дворец, был выстроен в римском стиле, с колоннами и портиком.

– Ведь погонят? – со знанием дела предположил Сьлядек. – Взашей?

Флейтист хмыкнул в усы:

– Отсюда не гонят...

Ступеньки вознесли путников наверх. Пустынный холл. Безлюдные коридоры. Галерея, закутанная в тишину. Внутренний дворик. От дворика начиналась аллея, до чертиков похожая на обычную городскую улицу. Булыжник мостовой, дома по обе стороны. Хозяин виллы, знатный причудник, видимо, здорово досадил архитектору, требуя исполнения своих замыслов. А потом переехал в Мадрид или Хенинг со всей челядью, оставив поместье прозябать в одиночестве. Что-то здесь не срасталось, казалось неестественным или даже

сверхъестественным, но Петер Сълядек избегал лишних догадок. Меньше знаешь, дольше живешь. Он – мелкая сошка, темная лошадка; ему ли, чья жизнь сложилась проще простого, задумываться над странностями сильных мира сего?

Тем более, что флейтист явно уже бывал здесь.

Чуть дальше по аллее-улице, под чудесным зданием, наминавшим Миланский «Teatro alla Scala», недавно открытый премьерой оперы Сальери «Признание Европы», столпились люди. Расположась в тени вывески "Collegium Musicum «Eden», трое или четверо, они прямо на тротуаре играли в «чашечки». Верховодил игрок в мышино-сером: серый кафтан, серые панталоны, шляпа цвета сумерек, туфли из тумана с пряжками. Единственной яркой деталью была лютя в черном чехле, и сердце Петера забилось сильнее. Впрочем, лютя дремала за спиной игрока, который неуловимыми движениями вертел три костяные чашечки, пряча мелкий грошик. Двое из зрителей раздумали глазеть и убралась восвояси, третий же, закутанный в плащ коротышка, внимательно следил за руками игрока.

– Не вздумай мешать! – строго шепнул пестрый флейтист.

И почти сразу коротышка вмешался в игру:

– Стоп! Средняя!

Игрок послушно открыл указанную чашечку. Грошика там не оказалось. Коротышка с легким сожалением пожал плечами – дескать, бывает, что тут поделаешь? – и скрылся в тенях, окутавших улицу. Платить за проигрыш он и не по-

думал, а игрок не напомнил. Лишь повернул к новопришедшим узкое, скуластое лицо. Кивнул флейтисту:

– Что-то ты зачастил...

– Распутье, – ответил пестрый с прежней, странной интонацией. – Развелось их, собак...

И швырнул игроку монетку.

– Ясно, – игрок улыбнулся, мелькая чашечками. Петер еще подумал, что в жизни бы не догадался, под какой скрывается монетка. А если гадать наудачу, так с удачей у бродяги были неважные дела. Вот поэтому азартных игр он бежал, как огня. Зато флейтист, похоже, оказался ретив не в меру: прикипев взглядом к рукам игрока, он придвигался все ближе и ближе, как мышь на безгласный зов змеи. Хотя – пестрая мышь и серая змея...

– Стоп! Средняя!

Бродяге сперва почудилось, что это запоздалое эхо передразнило возглас сгинувшего коротышки, забывшего расчитаться за проигрыш. Но нет, игрок опрокинул среднюю чашечку, взял укрытую под ней монетку и отдал пестрому.

– Твой фарт. Иди куда хочешь.

Флейтист засмеялся и шагнул в двери «Collegium musicum». Когда Петер ринулся следом, игрок весело окликнул коллегу-лютниста:

– Эй! Так значит, говоришь, стоял в ополчении против Зигфрида Майнцского? При Особлоге? В каком году, не помнишь?

Удивляясь, откуда насмешнику в сером известна биография жалкого бродяги, Сьядек вбежал в фойе «Eden'a». Пестрый флейтист исчез. Наверное, раздумал ждать медлительного спутника. Нашел запасной выход, выбрался наружу, длинные ноги понесли его через парк, к решетке с воротами... Фойе пустовало. Выглянув в окно первого этажа, Петер обнаружил, что улица-аллея тоже пустынна: игрок успел сгинуть, вместе с чашечками, лютней и забавными вопросами. Задержавшись у картины в золоченой раме – на полотне музыканты с телами, странно искаженными кистью художника, занимали места в яме, мало похожей на оркестровую, – он покинул здание, опасаясь кары за вторжение без спросу.

Вернулся по аллее обратно во внутренний дворик виллы.

Час или два шлялся коридорами, тщетно пытаюсь выбраться в памятный парк. Кричал, прося кого-нибудь откликнуться. Выглядывал в окна: улицы, проспекты, мостовые, дома, больше похожие на дворцы, столики открытых трапезных... Ни единой живой души.

Спустя еще полчаса снова вышел через дворик на аллею-улицу.

– Эй!

Тишина.

Пусто и гулко. При этом, как ни странно, раскинувшийся за аллеей город отнюдь не выглядел мертвым: безлюдность казалась его естественным состоянием. Буднями. «Куда все запропастились?» – ломал голову Петер, бредя без цели, без

смысла. Ну ладно – флейтист. Ноги длинные, поди-догони. Но остальные-то жители где? Может, праздник? Все, от старцев до детворы, собрались на центральной площади?.. Он в очередной раз прислушался. Тишина злорадно запорошила уши горстями мягкой пыли. Голоса, шарканье подошв по брусчатке, стук копыт, вопли зазывал, разговоры, торг – ничего этого не было.

Совсем.

– Эй!

Или жители ушли отсюда? За дудкой пестрого? Мор, глад, нашествие варваров-людоедов, черти всех в пекло забрали, ангелы на небо унесли?! В голод, выкосивший население этого прекрасного места, верилось с трудом. Мрамор, полированный гранит, лепнина, блестящая черепица... Ни домишка в простоте. Чума? Где запах тления, погребальные команды, бранные останки на улицах? Где стенания умирающих и плач родственников?! В войну верилось еще меньше. Витражные стекла в окнах целехоньки, мостовые чисто подметены. Не захватчики же, в самом деле, их подмели, угоняя жителей в рабство?! Ей-богу, явление чертей или ангелов выглядело более правдоподобным.

«Капризная Госпожа» оттягивала плечо, тяжелея с каждым шагом.

Не заснул ли бродяга на привале, после грудинки, мозельвейна и славного дуэта, чтобы увидеть дивный сон?

Вскоре Петер бросил ломать голову, искренне радуясь:

раньше слушал чужие истории, и вот – случилось с ним самим! Город захватил, завертел, закружил по улицам: смотри-дивись! Двухбашенный кафедральный собор навис скальным монолитом; камень стен, обработанный с нарочитой грубостью, лишь усиливал сходство со скалой. В стрельчатой арке входа копились чернила близких сумерек. Фигурки святых на фронте возносились на недостижимую высоту: того и гляди, покинут грешную землю, растворятся в серых облаках. Напротив, за чисто символической оградой из узорчатого чугуна, в глубине сквера притаился белоснежный палаццо с колоннадой. Однако с улицы рассмотреть его как следует не удалось, а войти Петер побоялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.